

Итак, все начинается. Я глубоко вздохнул, прежде чем ответить, зная, что могу выдать свою зрелость и отсутствие горя за результат убийственного разгула Итачи в сочетании с гендзюцу.

— Устал, — и это была правда, я был чертовски измотан, я чувствовал себя почти измотанным, ситуация не очень способствовала сохранению моего рассудка, и, конечно, общий риск быть обнаруженным и привязанным к кровати, чтобы подвергнуться массовому допросу, не улучшал моего самочувствия.

— Потребуется некоторое время, чтобы принять случившееся, и лучший способ сделать это - поговорить об этом, — успокаивающий голос Иноичи тщетно пытался успокоить меня.

— Итак, боюсь, мне нужно быть более конкретным, и не бойся, я хочу, чтобы ты знал, что ты в безопасности, и что я тебе не враг, — добавил Иноичи.

Ложь...

Я сдержал то, что, как я знал, было взрывом истерического смеха, kloкочущим в моем животе, а после спросил его: — Что вы об этом думаете, Яманака-сан?

Я слегка наклонил голову, пытаюсь перевернуть карты своего противника.

— Мы здесь не для того, чтобы говорить обо мне, Саске-кун, — отрезал Яманака.

Он мягко сделал мне выговор и слегка нахмурился, когда в ответ получил лишь пожатие плечами.

— Это твоя проблема, а не моя, — добавил Яманака-сан.

Мой взгляд метнулся к единственному окну в комнате, в которую меня привели. Из него было видно, как верхушки деревьев пересекаются со зданиями Конохагакуре но Сато, и я снова потерялся в своих мыслях, пытаюсь смириться с тем, что произошло.

Моя плохо симитированная незаинтересованность заставила Иноичи повториться: — Я тебе не враг, Саске-кун...

— Ты это уже говорил, — невесело фыркнул я. Как мне заставить себя казаться нормальным, не напрашиваясь при этом на еще большие подозрения и досмотр?

— Быть честным со мной - значит быть честным и открытым с самим собой, Саске-кун, постарайся действительно отвечать на мои вопросы.

— Есть ли причина, по которой я должен это сделать?

— Ну, начнем с того, что вредно игнорировать то, что ты чувствуешь, — Иноичи пытался успокоить то, что, по его мнению, было восьмилетним ребенком, ставшим жертвой невообразимого ужаса, и ему немного удалось ослабить мое напряжение, поскольку я понял, что мое прикрытие почти нерушимо.

— Я ничего не игнорирую, я просто не обсуждаю это с тобой...

Он попробовал еще раз: — Саске-кун, откровенность для твоего же блага.

Понятно, что в Конохе нет университетского курса по детской психологии. Порыв безрадостного смеха снова угрожал вырваться из меня, когда мой взгляд вернулся к Иноичи.

— Я бы открылся своей семье, но, к сожалению, я больше не могу этого делать, — равнодушно сказал Саске.

Блондинчик слегка вздрогнул, прежде чем вернуться к бесполезному разговору: — Я не хочу причинять тебе вред, Саске-кун...

— Ты не обязан это делать, — пробубнил я, ненадолго выплескивая свое раздражение и ярость из-за всей ситуации, в которую я попал, надеясь, что это придаст правдоподобия моему выступлению, и, прежде чем он смог начать диалог снова, я встречно спросил его: — Почему ты разговариваешь со мной

— Потому что я хочу помочь тебе, — сразу ответил Иноичи Яманака.

Тогда я настоял на своём и продолжил спрашивать: — Почему ты хочешь мне помочь?

Я надеялся, что Иноичи воспримет мою конфронтацию как игнорирование его стандартного подхода. В конце концов, любая реакция была лучше, чем непробиваемая стена, которую я сохранял перед Хокаге.

— Потому что это моя работа, — мягко сказал Иноичи.

— А если бы это не было твоей работой, ты бы не пытался мне помочь? — спросил Саске.

Я снова наклонил голову к окну, мой разум пробежался по сценариям будущего. Ведь в Конохе не произошло ничего значимого между резней Учиха и экзаменами чунинов[1], не так ли? У меня было немного времени, чтобы сориентироваться.

Иноичи нахмурился и ответил: — Я бы все равно попытался тебе помочь,

— Почему? — безэмоционально поинтересовался Саске.

— Потому что это правильный поступок, — ответил мой психиатр с мягкой улыбкой, которая придала ему лицу больше нежности. Жаль, что я знаю, что каждый шиноби - массовый убийца.

Лжец.

— Что из двух? Помочь мне, потому что это правильно, или потому что, выполнив свою работу, ты сможешь с гордостью смотреть на себя в зеркало и говорить себе и своей семье, что ты поступил правильно? — с ухмылкой спросил я Иноичи.

Учитывая его родословную, Иноичи с таким же успехом мог бы быть лучшим психологом в мире Наруто, но, придя на сеанс к психиатру, ожидая иметь дело с травмированным ребенком, он был совершенно не подготовлен к общению со взрослым.

Иноичи нахмурился в ответ на мой вопрос: — Это немного несправедливо, не так ли?

— Значит, ты всего лишь хочешь иметь возможность сказать себе, что ты хороший человек, — сказал я, кивнув головой. Я улыбнулся и позволил нескончаемому, беззлобному смеху вырваться из моих губ.

Я фыркнул: — Ты любил бы себя немного меньше, если бы тебе не удалось "помочь мне", и немного больше, если бы тебе это удалось, подарив себе еще один день, в который ты можешь сказать себе, что ты справедливый и хороший.

Надеясь отвлечь Иноичи от холодного пота, покрывшего мою кожу. Я не был уверен, что такая агрессивность поможет моей ситуации, но я надеялся, что это достаточно здраво, а учитывая, что я был в полном шоке от всего этого "попадания в другой мир", я надеялся выдать свою реакцию за естественную.

— Ребенок не должен быть таким циничным, — сказал Иноичи с озабоченным видом, глядя на меня, умело маневрируя в словесном поединке, который я вел.

Не обращая внимания на холодный пот, выступивший у меня на лбу при его упоминании об отсутствии во мне ребячества, я попытался объяснить свою реакцию: — Я перестал быть ребенком со смертью моих родителей, моих двоюродных братьев, всего моего клана.

У Иноичи не было готового ответа на это, тем не менее, он попытался выжать из моей реакции все, что мог, для достижения успеха и спросил: — Почему ты не позволяешь себе горевать о них?

Я ответил, не отводя взгляда от вида Конохагакуре но Сато из окна, позволяя слегка покачивающимся ветвям немного успокоить меня: — Почему ты думаешь, что я не горюю?

— Ты не плакал с тех пор, как очнулся в больнице, ты не кричишь, ты не впадаешь в ярость, — заявил Иноичи.

— Есть только один человек, достойный моих криков и ярости, Иноичи-сан, — безэмоционально сказал я.

— И кто этот человек? — с интересом спросил Иноичи.

Я перевел взгляд на Яманаку, мой мозг снова начал бесконечно повторять: «Это не реально, это не реально, это не реально, это не реально, это не реально...»

Черт возьми, Итачи хочет быть убитым Саске, не так ли? В конце концов, он придет за мной, черт возьми, и Орочимару тоже.

— Я устал, — спокойно сказал я.

Еще раз удивляясь тому факту, что меня еще не пытали, чтобы сказать им, что я был своего рода прыгуном с планеты на планету.

Я поднялся со своего сидячего положения на диване, пытаюсь придумать способ покинуть ужасно сложный разговор с Яманакой: — Я могу идти? Мне нужно прибраться в доме.

— Я бы предпочел, чтобы мы поболтали еще немного... — начал говорить Иноичи.

Я оборвал его слова: — Нет.... Мне больше нечего добавить.

Иноичи, казалось, был в замешательстве из-за моей резкой реакции, но в конце концов согласился: — Мы еще поговорим в ближайшие дни, Саске-кун.

И с этими почти угрожающими словами мне удалось, наконец, покинуть комнату.

Похоже, то, что я был заядлым читателем манги, это начинает приносить свои плоды...

Я тяжело вздохнул, когда АНБУ положил руку мне на плечо и увел меня прочь.

В размытые секунды перемещения я вдруг вспомнил, что и Риннеган Саске, и Обито могли путешествовать по мирам с помощью своих фиговых глаз.

Могу ли я вернуться домой? Вопрос возник в моем сознании без моего согласия, вместе с образом прыгающего Саске, открывающей порталы Кагуи и Обито, сумевшего сделать то же самое во время финальной битвы.

Непрошенный проблеск надежды дал о себе знать в моем сердце. Я не был обречен жить и умирать без причины внутри мира Наруто, мне нужно было быть осторожным, но, в конце концов, я мог использовать свои глаза, чтобы выиграть игру: призом будет свобода от безумия, в которое превратилась моя жизнь.

Мне нужно было только начать с убийства Итачи.

Черт возьми, это не совсем самая простая вещь, не так ли? Могу ли я остаться здесь, пока Нагато не нападет, и затем украсть его глаза?

Мысли и полузадуманные планы перестали крутиться в моей голове, когда размытость мира остановилась, позволяя мне рассмотреть классический средневеково-японский дом, внутри которого не было ни зажженных огней, ни приветливого тепла.

Я сглотнул, осознав, что одиночество еще какое-то время будет моим спутником.

Не говоря ни слова, я вошел в дом, в котором, к счастью, работало электричество. Мой разум продолжал искать решения, пока я открывал дверь за дверью, знакомясь с окружающей обстановкой и целенаправленно игнорируя брызги крови на стенах.

«Это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее...» — повторял себе.

Мне удалось найти отбеливатель, ведро и швабру: ненавидя каждый момент этого, я принялся убирать брызги крови из комнаты, в которой Итачи убил своих родителей.

«Это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее...» — продолжало крутиться в моей голове.

От начала до конца мне потребовалось пару часов, чтобы навести порядок в комнате, и я не хотел думать о том, какой была бы реакция настоящего Саске на это задание.

Я понимаю, что детей здесь безжалостно отправляют на войну, но позволять ребенку смывать кровь своих родителей - это просто отвратительно, не так ли? Я немного поморщился, осознав, что в целом красочный мир Наруто несколько отличался от того, в котором жил я.

Хотя бы потому, что никто не счел нужным запретить ребенку 7 или 8 лет возвращаться одному в то место, где его родители были убиты его братом. Даже если у меня, скорее всего, есть хвост в виде АНБУ.

Как только я закончил с комнатой, где произошло убийство отца и матери, я потащил свое истощенное "я" в ванную, где решил, что заслужил теплую ванну.

Я сбросил одежду и довольно скоро оказался в горячей ванне, позволяя своим мышцам расслабиться и целенаправленно игнорируя окружающий мир.

Я родился в Кентукки, я учился в средней школе с несколькими хорошими и несколькими плохими друзьями, у меня была моя первая девушка, и я даже переспал с ней в последний год перед колледжем, когда мы расстались. Мои родители, как правило, отсутствовали и были заняты работой, но, тем не менее, присутствовали в моей жизни.

Я никогда ни в чем не нуждался. Решение специализироваться в психологии не очень понравилось дома, но, тем не менее, меня поддержали. У меня была довольно обычная жизнь. Но это было хорошо, и это было моё.

Как только вода остыла, я поднялся из ванны, устало дотащился до раковины, где начал вытираться полотенцем, и еще раз приложил сознательные усилия, чтобы не обращать внимания на легкие всхлипы, детского тела, в которое меня опустили. Я один.

Не было мобильного, с которого можно было бы позвонить домой, не было поезда, на котором можно было бы вернуться в безопасное место, не было друзей, которым можно было бы помочь, не было будущего, в котором я смог бы понять, что заставляет человеческий разум замирать.

Затем лицо Орочимару отчетливо предстало в моем воображении, сопровождаемое бесконечной чередой сражений, в которых настоящий Саске выжил благодаря сочетанию сюжетной брони и навыков, которым я не собирался учиться, чтобы не позволить Орочимару похитить меня.

И это без учета того, что я был единственным ребенком Учиха, которого легко поймать во всех Стихийных Нациях.

Полотенце выпало из моих онемевших пальцев, когда я схватился за раковину, чтобы не упасть. Я был ходячим мертвецом, и я знал это.

Я икнул, когда сильный ужас проник в мой разум, и мое зрение расфокусировалось из-за накопленных слез.

Затем произошел сдвиг, мир приобрел пурпурно-красный оттенок, и, несмотря на слезы, которые я все еще чувствовал на своих веках, изображение раковины передо мной было совершенно четким.

Когда я поднял взгляд, чтобы встретиться с зеркалом, красные глаза смотрели в мои.

Мы знаем, что Саске пробуждает Шаринган, когда ему кажется, что он вот-вот умрет в миссии "Волна", и у любого человека в сложные ситуации бывают моменты испуга.

Потеря вашего первоначального мира в сочетании со страхом перед тем, что должно произойти, я бы сказал, что два условия, необходимые для раскрытия Шарингана, выполнены.

[1] Чунин - шиноби, которые достигли уровня зрелости и способностей проявить навыки

командира и тактического мастерства

<http://tl.rulate.ru/book/91989/2967244>